

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРОЙ ЦИКЛ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Вновь начало истории, новая государственность
(Вместо введения)

I. Господство соборного идеала («Триумфальное шествие Советской власти»)

II. Господство раннего умеренного авторитарного идеала («Военный коммунизм»)

III. Ранний идеал всеобщего согласия (нэп)

IV. Торжество и падение крайнего авторитаризма
(Сталинизм)

V. Вновь идеал всеобщего согласия («Оттепель»)

VI. Вновь умеренный авторитарный идеал
(«Этап застоя»)

VII. Возврат к соборно-либеральному идеалу
(«Перестройка»)

ВНОВЬ НАЧАЛО ИСТОРИИ, НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

(Вместо введения)

ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ-ИСТИНЫ

В ноябре 1917 года власть была захвачена большевиками — еще несколько месяцев назад маловлиятельной и малоизвестной партией, крайним крылом российской социал-демократии, которое было, «несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»¹. Это, как многим тогда казалось, эпизодическое событие на краю цивилизованного мира явилось, однако, поворотным пунктом в истории России, событием мирового значения. Третья в истории страны государственность, возникшая после Великой смуты начала XVI века, развалилась под возрастающим давлением локализма, отказа рядового человека воспроизводить своей повседневной деятельностью социальные отношения большого общества, государственности. *Обратная глобальная инверсия, начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма Петра I, дошла до своего логического конца, до противоположного полюса, до массового превращения локализма в высшую ценность. Этот огромной силы рывок привел к национальной катастрофе, к гибели значительной части населения, к дезинтеграции, к гигантской ломке социальных отношений, к разрушительной инверсии в культуре.*

События ноября 1917 года означали, что мощная глобальная инверсионная волна дошла до противоположной крайности, застыла на какое-то время и повернула назад. Точкой этого поворота было возникновение новой, четвертой государственности, приход к власти правительства В. И. Ленина. Новую государственность можно рассматривать как попытку сохранившегося в этом хаосе слабого элемента государственности ответить на разрушительный хаос организацией власти,

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 53.

соединить локализм с его противоположностью — с интеграцией целого. Однако государственники в последней точке локалистской инверсии не имели ни малейшего шанса создать государство, если не подоспеет соответствующая массовая инверсия.

Страна развалилась на атомы локальных миров, способных вести бесконечную войну друг с другом, обрекая на гибель города, культуру, государство, миллионы людей. Общество, лишенное внутренних интеграторов, не спаянное даже общим торговым интересом, складывалось из множества натуральных хозяйств, интересы каждого из которых не шли дальше собственного огорода. Духовные предпосылки локализма, включая попытку сформулировать, восстановить догосударственный вечевой идеал, приняли характер анархизма. Его теоретик и практик Н. И. Махно мыслил строй, при котором «вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников... Через свои районные, областные и общенациональные съезды эти местные хозяйственные и общественные органы самоуправления устанавливают общую схему порядка и трудовой взаимности между собой... Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и своей воли, свои хозяйственные и иные планы и соображения будет проводить через свои органы, которые они сами создают, но которые не наделяют никакой властью, а только лишь определенными поручениями»². Этот догосударственный идеал был чистой утопией в условиях большого общества, в условиях его раскола и растущего утилитаризма и не сулил ничего, кроме бесконечных малых конфликтов по самым разным причинам, постепенно перерастающих в большой конфликт. Общество вернулось в догосударственное состояние. Тем не менее, казалось бы, вопреки логике, государство возникло. Что же оно собой представляло?

Государство должно было в этой ситуации разрешить неразрешимые проблемы. Оно должно было соединить несоединимое, объединить в себе разные, исключающие друг друга ценности. Оно могло рассчитывать на массовую поддержку, лишь воплощая мечты народа и интеллигенции об обществе, созданном на основе Правды, без начальства и буржуазии. Новое общество возникло на основе содержательного стихийного идеала, в котором было буквально все. Он включал представление о народе, который пришел к власти, чтобы воплотить свои вековые мечты. Как будто восторжествовали

² См.: Шубин А. Махновское движение: идеи и люди// Вестник Конфедерации анархо-синдикалистов. М., 1989. 22 мая. С. 4-5.

идеи славянофилов, утверждающие высокую ценность народного духа. Восторжествовали идеи западников, поскольку новый идеал включал ценности западной науки, модернизации. Восторжествовали великие нравственные устремления Аввакума, поскольку единственная высшая Правда воссияла на вершине власти. Восторжествовал идеал апологетов сильной государственности, таких, как К. Леонтьев. Восторжествовала вера Н. Федорова в ничем не ограниченные возможности человека. Восторжествовали интересы рабочего класса во всем мире, поскольку был «прорван фронт мирового империализма в его слабом звене». Восторжествовала исконная мессианская идея русского народа, начало осуществляться его предназначение в мире, предсказанное в той или иной форме старцем Филофеем, западниками, славянофилами, Чаадаевым, Герценом, Достоевским и многими другими русскими мыслителями. Народ раскрылся как высший хранитель Правды, ее носитель и надежда всех угнетенных в мировом и даже космическом масштабе. Власть, которая возникла в этой духовной атмосфере (т. е. советское правительство), «является представителем не только рабочего класса России, но и всего эксплуатируемого человечества», — говорилось в ноте народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина³. Победа нового идеала, уничтожив силы зла, открыв путь творчеству народа, расценивалась им самим таким образом, что общество, собственно, перестает нуждаться в государстве, медиаторе, организующей силе, так как творческий взрыв народной активности сам себя организует.

Власть, слитая с партийным руководством, сформировала новую правящую элиту, воплотившую в себе высшую Правду народа и истину науки. Она как будто воплощает, организует полное синкретическое слияние народа, партии и государства. В новом обществе личность, как в общине, приобщена к целому, человек осознает себя лишь в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в правящей элите. Каждый человек, каждый социальный институт осознает себя как частицу целого, страшится отпадения и в этом находит нравственную основу своей жизни. В такой нравственной системе нет начальства, каждый, кто в достаточной степени достигнет высшей Правды, может занять любой пост, т. е. каждый — потенциальный вождь.

Те, кто сейчас эти посты занимают, — вчерашние рабочие и крестьяне, справедливые люди, праведники, которые стоят «за народ». Каждый советский человек горд и велик своей парти-

ципацией к высшему. Он выше человека Запада, который не постиг Правды и, в силу эксплуататорской сущности буржуазного общества, не желает прозреть, погрязнув в ложной жизни. Все общество будет жить по законам большой семьи в соответствии с высшей Правдой, включая, однако, в свою жизнь использование машин, научно-техническое развитие. Нравственный идеал народной Правды получил свое воплощение. Вместе с этим как будто кончились все муки раскола, неправды эксплуататорского общества. Кончилась предыстория человечества и началась действительная история. Над миром вспыхнул факел, осветивший путь к всеобщему освобождению.

Новая власть принимала самые крайние требования масс, исполненных решимости физически истребить кривду во всех формах ее проявления. Началась новая эпоха — эпоха торжества научного социализма, т. е. Правды; свободы, т. е. воли; равенства, т. е. всеобщей уравнительности; братства, т. е. общинных личностных отношений; народовластия, т. е. абсолютной власти на местах, и т. д. Пришедшие в движение древние идеалы стремились создать общество-общину, общество — братскую семью. Все до предела просто, так как все как будто естественно следует народной Правде и одновременно представляет собой научную истину.

Однако во всем этом заключается и нечто непостижимое, так как *по своей сути народная Правда и научная истина, вообще говоря, совершенно разные и даже противоположные явления*. Правда — нравственный идеал традиционного общества, тогда как истина науки — мысль, претендующая на соответствие некоторому объективному содержанию. *Новый идеал, следовательно, нес в себе скрытую антиномию, самоотрицание, нес раскол*. Трудность понимания путей возникновения нового идеала, нового общества заключается прежде всего в отсутствии осмысленного на категориальном уровне исторического прецедента в истории как России, так и за ее пределами. Трудность понимания этих событий заключается в том, что крах господствующего соборно-либерального идеала, сопровождаемый крахом государства, означал, что глобальный модифицированный цикл исчерпал себя, ознаменовав тем самым глубочайший рубеж в истории страны.

ТОРЖЕСТВО ОБЩИНЫ

Окончание глобального цикла в условиях господства инверсионной логики возвращает историю к своему началу, разумеется, в рамках этого цикла. Однако это не означает, что речь идет о возврате всего вплоть до покроя одежды, обычаев и т. д.

Задача науки как раз и заключается в том, чтобы установить уровень абстракции рассмотрения предмета, который соответствовал бы природе глобального инверсионного модифицированного цикла. На этой основе необходимо сформировать точку зрения, которая, с одной стороны, позволила бы не принимать несущественные различия за существенные, а с другой — не позволила бы утопить все в абстрактной тождественности явлений, где вообще исчезают значимые различия. Возврат к исходной точке в данном случае означал лишь господство в обществе древнего менталитета, очищение его от последующих наслоений и закрепление соответствующих форм сообществ, социальных отношений, в частности, господства дорыночных отношений.

О возврате к началу истории можно реально говорить в том смысле, что активизировалась аналогичная социальная ячейка общества, которая могла служить социальной основой для соответствующего нравственного идеала. Государственность в России возникла на основе экстраполяции синкретического вечевоего идеала, сложившегося в древних локальных сообществах. «В глазах простолюдина Россия не государство и не нация, а скорее семья. Этот патриархальный взгляд столь же древен, кажется, как и сама Россия; он... лишь распространился и упрочился»⁴. Остались ли в силе такие представления? В этом нет сомнения, так как новое общество само возникло как результат мощной волны локализма. Она сломала столыпинскую реформу и заняла прочную оборону против большого общества, заставив, в частности, большевиков принять уравнительную земельную политику, органически враждебную частной собственности.

Сельская территориальная община «несла на себе родимые пятна древней родовой патриархальной общины»⁵. Территориальная община возникла на основе общинно-уравнительной культуры как приспособление древних локальных сообществ к вызову истории, т. е. росту «утеснения», ограниченности земли. Она не оставалась единственным институтом древнего традиционализма, так как традиционализм пронизывал все общество, включая синкретическую государственность, а также и все прочие формы жизни: крепостную промышленность, город и т. д. Тем не менее община была определяющей формой социальных отношений, которую приобрел традиционализм в первом глобальном периоде. Это не снимало необходимости рассмотрения и иных форм, которые также были носителями

⁴ *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 52.

⁵ *Зырянов П. Н.* Земельно-распорядительная деятельность крестьянской общины в 1907-1914 гг. // Исторические записки. 1988. № 116. С. 107.

традиционных ценностей (например, семья). Община была сообществом, находившимся «между крестьянской семьей и феодальным государством»⁶. В общине не только концентрировалось большинство крестьян, в ней также вечевой идеал сохранился в наиболее последовательной синкретической форме, распадаясь одновременно на соборность и авторитаризм. В новом обществе община продолжала развиваться и укрепляться. При этом она возрождалась в наиболее архаичной форме, т. е. преобладало стремление к распределению земли по едокам⁷. Революция «приостановила распад общины», аграрные реформы привели «к возрождению и развитию общинного землепользования»⁸. При этом события, которые, как многим тогда казалось, перевернули мир, в действительности не могли «изменить сущность общины как соседской организации единичных крестьянских хозяйств»⁹.

Территориальная сельская община всегда была неприступным бастионом локализма. Кровнородственные отношения остались господствующими в семьях, объединение которых составило новый тип локальной организации, специфический локальный мир. Территориальная община возникла еще в процессе перехода к оседлому образу жизни с постоянной пашней, к более эффективным методам хозяйства. Это была лишь новая форма традиционализма, локализма, приспособленная к изменившимся условиям. Древний род сменился союзом семей. «Современная община — продукт разложения такого рода первобытных форм. Этот процесс разложения создавал в одних случаях так называемые семейные общины, в других — общины все менее родовые, все более территориальные — путем создания новых дворов по соседству со старинным; получала начало обыкновенная сельская община»¹⁰. Славянская родовая община превратилась в крестьянскую поземельную общину, которая сохранялась на протяжении всей русской истории. *Это была не просто организация, но элемент массового менталитета.* Она формировалась и тогда, когда не бы-

⁶ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 303.

⁷ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 108, 109.

⁸ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 2. С. 77, 79.

⁹ Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46.

¹⁰ Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 4; см. также: И. Л. Поземельная община в Западной Европе (раздел 1 статьи «Поземельная община») // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1898. Полутом 47. С. 186-187.

ло никакой внешней силы, которая ее к этому понуждала, когда крестьяне были свободны в выборе форм отношений¹¹.

Попытки приспособить общину к требованиям государства, к росту денежного обращения не изменили ее природу. Например, введение подушной подати по образцу западноевропейской податной системы, соответствовавшей частной собственности на землю, предусматривало чисто личное налогообложение. Однако этот принцип оказался несовместимым со сложившимися в России общинными отношениями. Подать по-прежнему налагалась на общину в целом и разверстывалась между наличными хозяйствами соответственно числу лиц мужского пола в семье, что стимулировало периодические перераспределения земли в общинах. *Буржуазный принцип налогообложения оказался в России стимулом активизации, стабилизации древних форм общественной жизни. Относительная независимость крестьянского мира от государства помогла миру пережить все перипетии государственности.* Это обстоятельство следует признать особенно важным для страны, где городское население едва превышало два процента. Крестьянский мир не был поколеблен ни господством иноземцев, ни государственным крепостничеством, ни крайними формами авторитаризма. Сила общины состояла в ее стойком сопротивлении любым переменам, в незнании иных форм жизни. О подобной системе у древних кельтов, долматов, германцев писали античные авторы — Диодор Сицилийский, Страбон, Тацит. Раннее сообщение о земельном переделе на Руси относится к 1500 году; в XVII веке масштабы земельных переделов возросли, а в XVIII веке переделы стали господствующей формой крестьянского землепользования. Усиливающееся значение переделов в крестьянской жизни было реакцией синкретического сознания на то, что земля перестала быть в избытке, на возникающую нужду в ней. Крестьянство дало ответ на этот вызов на основе общинных принципов.

Поземельная община — замкнутая локальная организация, для которой мир оканчивается за околицей. Обычно это была деревня в 30-50 дворов, иногда их число достигало сотни. Община выступала как хранительница древних догосударственных ценностей, древних форм социальных связей. Все дела решались сельским сходом, в котором принимали участие главы крестьянских семейств (дворов) и который ничем не отличался от древнего веча. В своих решениях сход всегда стремился к единогласию: «Что миром положено, тому быть так. Что мир порядил, то бог рассудил». Тем самым каждый член

¹¹ См., например: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

общины черпал силу в приобщении к внешней силе решения схода, воспринимая его как собственное. Личность растворялась в общине. Эта монологичность не только относилась к принятым на миру решениям, но и распространялась на повседневную жизнь общины, способствуя ее унификации. Интересны в этой связи жалобы одного из крестьян на обезличивающее давление общины: «Каждый крестьянин не то делает с землей, что хочет, а то, что говорит мир. У крестьян заведен порядок: начинать работу вместе, пахать, навоз возить, косить, жать, так что одному не дают какую-нибудь работу сделать... Я посеял бы на своей ниве клевер и пользовался бы им три года; на паровом поле я посеял бы весной, до сеяния ржи, вику; вику снял бы и посеял рожь. Я исправил бы землю и пользовался кормом, но прочие члены общины не согласны. Крот портит луга, я исправил бы их, а прочие говорят, что им некогда: „ладно и так“. На низких местах поля нужно прокопать канавы во избежание отмочек,— говорят: „наши отцы не копали, и мы не будем“. На каждом шагу неудобства — всего не опишешь»¹². В общине царствовал принцип круговой поруки, общей ответственности.

Сход представлял не лиц, а семьи, дворы. Большое влияние там имели старики 60—70 лет, что определялось общей ориентацией на древние обычаи, на господство прошлого над будущим. Решающим доводом при принятии решений была формула: «наши деды так делали». В общине верховодили середняки, которые составляли большинство. Соборный и одновременно авторитарный характер схода проявлялся в подчинении личности целому. Сход мог приговаривать к телесным наказаниям, отдавать «порочных», «нерачительных», «беспокойных» крестьян на поселение, сдавать их в рекруты, вмешиваться в семейные дела. Известны случаи выдачи миром своих людей властям, как якобы виновных в убийстве, с тем чтобы избежать ответственности за обнаруженный на территории общины труп. Здесь общая ответственность синкретически отождествляется с ответственностью одного, который должен «пострадать за мир». Мир вел розыск и творил суд по уголовным делам в общине, исключая некоторые тяжкие преступления. Решая судьбу своих членов, мир следовал общинным идеалам всеобщего равенства. Отсюда особенности рекрутской политики общины — отдача в рекруты беднейших, что способствовало унификации общины.

Мир подавлял личность: «Кто больше мира будет?», «С миром не поспоришь», «На мир и суда нет — мир один бог су-

¹² Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. СПб., 1911. С. 5, 8-9.

дит», — говорит общинная мудрость. Полновластие мира базировалось на древних традициях. Государство же и власть помещиков были слишком слабы, чтобы управлять, минуя сход. Один из ближайших к Александру II сановников генерал Я. И. Ростовцев говорил: «Без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство — своих повинностей».

Община оставалась первостепенной, хотя и подспудной силой в обществе. В 1927 году 91,1% земель, находившихся в пользовании крестьян, в том числе 93,6% земель в Сибири и 99,8% на Дальнем Востоке, были общинными¹³. Исчезли внеугодные земли, которые могли служить основой крупных, относительно независимых от гнета общины хозяйств¹⁴. *Новое общество, возникшее после конца глобального инверсионного цикла, было прежде всего победой глубоко архаичных локальных форм социальных отношений и нравственного идеала.*

Социальные силы общин резко возросли. Теперь они владели землями, которые раньше принадлежали казне, помещикам, церкви, монастырям, а также хуторянам и отрубникам. *Крестьянин-общинник укрепил свое положение как почвенный слой общества.* Расширились функции общины. Государство приспособлялось к ней, используя общинный раскладочный механизм, круговую поруку. Община определяла важнейшие параметры жизни людей: механизм получения земли, процесс приписки к обществу, принудительное возвращение ранее выбывших, формы землепользования, выделение на хутора. Укрепление этих форм давало *мощнейший импульс уравнительности, охватившей все общество.*

Власть в новом обществе, судорожно искавшая опору для соединения государственности и массового сознания, попала прежде всего в зависимость от могучей массовой силы общинного крестьянства. Его сила была не только в численности, в высоком удельном весе в обществе (что делало рабочих жалкой кучкой, не говоря уже о том, что *система ценностей рабочих недалеко ушла от крестьянской*), но и в активном стремлении к локализму. Это нашло свое выражение в уравнительном распределении земли, причем последняя понималась как синоним Правды. Эти люди знали лишь интерпретацию локального вечевого идеала. Поэтому лишь этот идеал мог стать моделью формирования большого общества.

¹³ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917-1927/ ЦСУ СССР. М., 1927. С. 120-121.

¹⁴ См., например: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 106 и след.

ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Споры вокруг общины в истории России касались не только ее социального и духовного смысла. Возрастало внимание к ней как к хозяйственной ячейке. Специфика крестьянского хозяйства оказалась мало изученной, хотя это звучит несколько странно в стране, где на протяжении почти всей истории именно этот тип хозяйства определял судьбы страны. Наука пыталась изучать сельское хозяйство на основе методов политической экономии, которые были для этой цели непригодны. Что же касается тех исследований, в которых содержались попытки преодолеть этот недостаток, то они с трудом доходили до сознания общественности. После 1917 года эти исследования запрещались, а оставшиеся в живых ученые были уничтожены. За время своей учебы в Московском государственном экономическом институте на факультете экономики сельского хозяйства я ни разу не слышал об этих исследованиях, за исключением некоторых имен, которые упоминались лишь как «враги народа» и «кулацко-буржуазная агентура».

Между тем А. В. Чаянов, который, видимо, впервые в истории науки исследовал хозяйственные механизмы трудового семейного крестьянского хозяйства, показал, что в основе его деятельности лежит особая мотивация, субъективно ощущаемое равновесие между полезностью благ и тягостностью необходимых для их получения затрат. Здесь отсутствует капиталистическое стремление к максимизации доходов, но преобладает желание соблюсти некоторый баланс между затратами и результатами. 90% этих хозяйств не были затронуты капиталистическими отношениями¹⁵. Переворот уничтожил возможности капиталистического развития, тем самым выбрав докапиталистическую альтернативу. Этот выбор был результатом мощного массового давления. Власть, с ее народническими стремлениями, с одной стороны, и модернизаторскими — с другой, оказалась в сложной ситуации. Интересно, что в отличие от Столыпина высшее руководство новой власти никогда официально не выражало своего отношения к необщинному хуторскому землепользованию. Наркомзем же относился к нему как к нежелательному явлению. Выбор политики затруднялся тем, что именно на хуторах и отрубях урожай, как правило, были выше¹⁶. Между тем изменения удельного веса разных форм землевладения всегда вызывали острые дискуссии, в особенности переход к крестьянству земель, принадле-

¹⁵ Чаянов и Восток. М., 1991. С. ПО.

¹⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 76-77.

жащих другим сословиям. Этот процесс внушал страх специалистам. Они видели в нем фактор падения культуры земледелия. «Не разоряйте страны нашей, не превращайте ее в исключительно серое крестьянское царство». Проблема заключалась в том, что в результате скупки общинами земель «культурный землевладельческий элемент с каждым годом тает, сходя на нет». Скупка земель приводит к тому, что «целые уезды совершенно лишены рентных хозяйств и, следовательно, культурного элемента, так как этот элемент представлен в наших сельских местностях исключительно землевладельцами»¹⁷. Инновации практически шли через помещиков, состоятельных хозяев, тогда как «бедняки с недоверием относились к нововведениям: „Мы люди темные, где уж нам, старики так делали“»¹⁸. Вектор динамики воспроизводства шел, отдаляясь от попыток интенсивного воспроизводства, и усиливал экстенсивное. Этот процесс не зависел от суесть политических событий, но, наоборот, сам определял их с возрастающей силой.

В человеческой истории активизация традиционализма не явилась чем-то новым. Силы традиционализма и раньше в истории уничтожали государственность, допустившую чрезмерный для данной культуры рост товарно-денежных отношений, расслоение общества на богатых и бедных, и создавали новую синкретическую государственность, которая, впитав в себя заряд массового ортодоксального традиционализма, возвращалась к относительно сбалансированному обществу традиционного типа. О такой государственности мечтали славянофилы, за такое общество сражался Пугачев и в той или иной степени все поднимавшие восстания крестьяне. Именно в этом направлении шла обратная инверсия прошлого глобального периода, шли основные силы, уничтожившие старую государственность, вступившую на путь модернизации и либерализма.

Новое общество, по своей сути, стремилось отмести все ценности и социальные отношения, идущие от процессов нетрадиционного типа, от всего враждебного синкретической культуре и ее институтам, от форм конструктивной напряженности, которые отклонялись бы от локализма, отходили от статичного воспроизводства. Эта государственность могла опираться на общины и отвергать всякое правовое разделение власти, права личности, модернизацию и т. д.

Сокрушительная мощь локальных миров давала основание предположить, что для этой государственности будет характерна не сильная централизация, но, наоборот, господство ло-

¹⁷ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 59, 51, 50 (курсив мой. — А. А.).

¹⁸ Петерсон Н. П. Просвещение. СПб., 1904. С. 17.

кальных миров, возможно среднего уровня, т. е. общество типа Киевской Руси. Уместно вспомнить, что некоторые ставили под сомнение существование в ней государства. И развитие действительно шло в этом направлении.

НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

История начиналась сызнова, с уровня господства локализма. Однако этот возврат к исходной точке не мог быть полным, так как в массовом сознании имели место необратимые глубокие качественные сдвиги, явившиеся результатом определенного прогресса, медиации. К ним относится, во-первых, существенный рост утилитаризма, причем умеренный утилитаризм, не оторвавшийся еще от синкретизма, приобрел массовый характер. Во-вторых, силами либеральной России был повышен образовательный уровень населения, что расширило возможность распространения абстрактных идей, прежде всего идеи необходимости государственности. В-третьих, рост утилитаризма стимулировал рост веры в технику и науку как в некий тотем, способный быть эффективным средством добычи благ, лечения болезней, создания общества Правды на земле. В-четвертых, в среде русской интеллигенции, непривычной к упорному труду, возник узкий слой, способный к напряженнейшей организационной работе, что явилось результатом роста утилитаризма, влияния либеральной культуры. Одновременно мимо интеллигенции не мог пройти, хотя бы и односторонне истолкованный, исторический опыт катастроф, инверсионных поворотов. В-пятых, усилилась напряженность раскола, т. е. напряженность исключаящих друг друга стремлений: стремления крестьян вернуться к замкнутым локальным мирам, основанным на натуральном хозяйстве, с одной стороны, и стремления к модернизации, обеспечивающей рост потребления, — с другой.

Переворот носил инверсионный характер, он был ярко выраженной антимедиацией, своеобразной косой инверсии, которая скосила все, что выходило за рамки санкционированного традиционализмом уровня уравнительности. Тем не менее рост влияния утилитаризма, пусть примитивного, означал, что *погромы и террор не смогли полностью уничтожить достижения медиации.* Одна из причин этого парадоксальным образом заключалась в том, что сами силы инверсии нуждались в достижениях медиации, науки и техники для своей победы. В связи с этим *господствующий идеал уже не мог быть чисто соборным.* Чтобы стать нравственной основой государственности, он должен был подвергнуться существенной интер-

претации. Эта проблема встает перед правящей элитой при любом инверсионном повороте. Однако на этот раз сложность проблемы возросла в исключительных масштабах. Могло ли существовать государство, которое было бы вечевым и одновременно учитывало бы имевшие место необратимые изменения?

Новая власть столкнулась с проблемой коренного расхождения массовых утопических замыслов и реальных социальных культурных возможностей. Не следует забывать, что точно так же, как невозможен вечный двигатель, крылатый слон,— *невозможно преодолеть раскол посредством элиминирования тем или иным путем частей общества, без которых целое существовать не может*. Они неизбежно восстанутся. Новая власть возникла на волне веры, что зло, т. е. нарушение уравнительности, эксплуатация, спекуляция и т. д., может быть уничтожено избием его носителей или, в лучшем случае, посредством осознания носителями зла торжества Правды и перехода на ее позиции. Однако раскол не исчез в результате победы власти советов. Он остался повседневной реальностью политической, хозяйственной, организационной, культурной жизни. Это означало, что *на первый план вышла проблема синтеза расколотых частей общества*, проблема обеспечения организационной и культурной интеграции общества. Основу этой интеграции нельзя было изобрести, необходимо было разыскать ее предпосылки в самой жизни общества. Космическая радикальность переворота, потрясшего мир, не отменяла того, что основы интеграции следовало искать не в туманных революционных мифах нового строя, но в исторически накопленном культурном богатстве. Среди различных вариантов интерпретации этой социокультурной ситуации, выдвигавшихся представителями правящей элиты, выделялась концепция В. И. Ленина, которая и была положена в основу деятельности нового общества.

СОВЕТЫ И ЛЕНИНИЗМ

Исключительное место В. И. Ленина в истории России определяется тем, что он открыл возможность превращения динамики массового сознания в условиях предкатастрофического состояния общества в особый предмет профессиональной деятельности идеологов, состоящих на службе у государства. *Успех Ленина заключался в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего объединить массовое сознание и государственность, организовать победы*

носную борьбу за превращение его в господствующий в условиях раскола идеал.

Под его руководством произошел беспрецедентный в истории социальный переворот, который обнажил метафизическую бездну не только российской, но, быть может, и всемирной истории. Кажется, что эта бездна столь глубока, что человечество до сих пор не разглядело ее до дна. Каждая фраза, написанная Лениным, проста и прозрачна, казалось бы, ее может понять любой, самый необразованный человек. Но понять Ленина в целом трудно. Что-то есть неуловимое в его прозрачных построениях. Все, что он писал и делал, пронизано внутренним единством. Но одновременно в этом единстве есть нечто такое, что дает последовательную систему аргументов для прямо противоположных точек зрения. Враги и последователи выстраивали друг против друга полчища цитат, противопоставляя Ленина-либерала Ленину — стороннику авторитарной власти, Ленина-гуманиста — Ленину-реакционеру, Ленина как воплощение высшей Правды — Ленину-грабителю и т. д.

Мнение, что Ленин «прост, как правда», можно понять не только как указание на его простоту, но и как намек на исключительную сложность, даже непознаваемость ленинизма, так как все понимают Правду на свой лад.

Истоки ленинизма следует искать в сфере представлений промежуточного слоя русской интеллигенции, решающей сложнейшую проблему соединения в единую систему массового народного сознания и определенных элементов высокой культуры, жизненно важных для обеспечения государственности. Ленинизм — этап этого культурного движения, приведший к новым исключительным результатам.

Ленин мыслил новое общество инверсионной противоположностью тому, с которым он боролся. Хотя прошлое общество возникало как соборное, тем не менее его дальнейшее развитие позволяло взглянуть на него как на государственное, в значительной степени тяготившее к вотчинной субкультуре и организации. Этому результату развития Ленин противопоставил, вольно или невольно, противоположную идею, тяготившую к древней соборности. Иначе говоря, он искал начало новой государственности в глубоких почвенных силах.

Будучи русским интеллигентом, Ленин на первый план выдвинул массовое народное творчество как некую субстанцию жизни общества. Он следовал основному заблуждению русской интеллигенции: если освободить народ от насилия власти и эксплуатации, то его спонтанные силы сформируют идеальное общество. «Живое творчество масс — вот основной фактор

новой общественности. Социализм не создается по указкам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий есть создание самих народных масс»¹⁹. «Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»²⁰. Однако пролетариат и беднейшее крестьянство выпрямятся «во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата»²¹. Идеалом стал социальный низ, имеющий вполне определенное организационное воплощение — советы. Еще в 1905 году Ленин рассматривал советы как форму революционной власти «не интеллигенции, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян»²². Идея советов импонировала Ленину своей спонтанностью, простотой и всеобщим характером. Он писал: «Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и крестьянским, феодальным и полуфеодальным отношениям». В стране с господствующими архаичными идеалами такой подход открывал путь активизации древних ценностей. Ленин выдвинул идею советов как власти не только на местах, но и в центре: «В политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, но лишь в иной форме) должен *создать* революционное правительство»²³.

Ленин сразу отверг политику прямого подчинения советов партии. Это было бы несовместимо с господством соборного идеала. Нецелесообразно «требовать от Совета рабочих депутатов принятия социал-демократической программы» и включения его в РСДРП, сужая тем самым его социальную базу. Отдавая дань антигосударственности, локализму советов, он выдвинул идею, что государство, построенное на основе советов, не является государством в обычном понимании. Оно не будет противостоять обществу, но окажется слитым с ним. Существующий разрыв между обществом и государством носит временный характер и определяется различным уровнем сознания разных слоев населения, а также сопротивлением со стороны бывших эксплуататоров. В начале 1918 года Ленин писал: «Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает пе-

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 57.

²⁰ Там же. С. 281.

²¹ Там же. Т. 30. С. 328.

²² Там же. Т. 12. С. 366-367.

²³ Там же. С. 63-64.

реход к полной отмене всякой власти, всякого государства»²⁴. Народные массы должны были сами составить учреждения «новой власти без всякой регламентации»²⁵. Эти идеи, если забыть об иерархической структуре напряженного псевдосинкретизма, готового к переменам, близки к цитированным выше высказываниям Махно. Предполагалось создание небюрократической системы управления, социальной системы, в которой общество и государство синкретичны. Советы являются формой правления стихийных творческих сил: «Советская власть идет от самих трудящихся масс, она дает не парламент, а собрание трудящихся, которое создает законы, исполняющиеся непосредственно, проводящие в жизнь и ставящие своей задачей борьбу с эксплуататорами»²⁶.

Ленин призывал в 1920 году к «полному уничтожению бюрократизма», т. е. начальства, считая необходимым установить «поголовное участие в управлении самих трудящихся»²⁷. Большую ненависть к бюрократии, большой энтузиазм в деле приобщения масс к власти трудно вообразить. О том, что это не были демагогические фразы, свидетельствуют его многократные настойчивые рекомендации выдвигать на руководящую работу людей из низов. Ленин экстраполировал ценности локализма от общины до масштабов большого общества. Это было продолжением старых идей славянофилов, которые говорили о том, что одним из результатов развития является «единая, обнимающая всю Россию государственная община — последний вид, выражение земского и церковного единства»²⁸.

Итак, *совет выступает как клеточка нового общества, как его сущность*. Он объединяет несоединимое. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, массовый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица во время труда»²⁹. Вот где клеточка ленинской методологии. В советах, следовательно, олицетворялась двоякая функция: они, с одной стороны, были метафизической основой нового мировоззрения, идеологии нового общества, политики партии и т. д. и одновременно, с другой стороны, понимались в социальном плане как некоторая общественная реальность, с которой надо было повседневно иметь дело, как практически функциональная

²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 273.

²⁵ Там же. Т. 12. С. 319.

²⁶ Там же. Т. 33.

²⁷ Ленинский сборник. М., 1975. Т. XXXVIII. С. 338.

²⁸ Самарин Ю. Ф. Сочинения. 1877. Т. 1. С. 52.

²⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 203.

форма революции и новой власти. Кажется, никто не уделил должного внимания этой необычной социальной форме, возникшей в нашей стране и крайне плохо приживавшейся в других странах. А между тем здесь проявляется глубокая вечевая специфика народного движения, что в мистифицированной форме и было схвачено Лениным.

Объективный возврат значительной части народа к архаичным формам управления, существовавшим в древних локальных мирах, в общинах, стал отправной точкой нового общества, новой государственности, новой идеологии. История начиналась сызнова, общество пренебрегло новыми альтернативами.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ

Массовая активизация архаичных форм управления, стремление В. И. Ленина рассматривать советы в качестве основополагающей для нового общества формы всенародного творчества, базы политики, воплощающей власть большевистской партии, означали, что новое общество опиралось или, во всяком случае, должно было опираться на синкретизм в его культурной и организационной формах. Однако было ли это возможно в глубоко расчлененном обществе, с далеко зашедшим разномыслием, с потребностью в государстве, науке и т. д.? Опыт существования в прошлом обществ, основанных на гибридных идеалах, свидетельствовал о такой возможности. Возврат к синкретизму, т. е. к культурному и организационному слиянию всего разнообразия, всех различий (например, соборности и авторитарности, диктатуры и демократии и т. д.), был невозможен. Тем не менее это стремление раскрывало суть целей и ценностей новой идеологии. Она противоречила повседневной реальности, где наличествовала многообразная расчлененность. Кроме того, общество, достигшее определенного уровня расчлененности и рефлексии, принципиально невозможно вернуть в первобытное синкретическое состояние. Тем не менее подобные тенденции, если они опираются на массовое стремление к синкретизму, могут приобрести характер имитации, попыток создать идеологию, трактующую реально расчлененное общество как синкретическое: например, общество, раздираемое конфликтами, — как братское сотрудничество, как спаянное «морально-политическим единством» и т. д. Этот подход к социальной реальности может рассматриваться не как синкретический, а как *псевдосинкретический*.

Псевдосинкретическая идеология оказалась гибким инструментом для попыток решать медиационную задачу, соединять

конкретное содержание массового сознания с интеграцией общества, с поддержкой институтов, обеспечивающих эту интеграцию. Здесь большевизм был преемником русской революционной интеллигенции, включая декабристов. Движущей силой революционной активности было страстное, доходящее до страдания чувство отпадения от народа, потери почвы, чувство своей беспочвенности, вины перед народом. Все это было результатом глубочайшего раскола между народом и интеллигенцией, образованным слоем. Ответ интеллигенции на раскол был достаточно прост. Она пыталась слиться с народом, перенять у него образ жизни, вплоть до отращивания бород, заимствования одежды, форм труда и т. д. Однако интеллигенция, пройдя определенную школу образования, формировала у себя особое интеллигентское мировоззрение, которое, с одной стороны, было интерпретацией все той же крестьянской культуры, а с другой — складывалось под влиянием ограниченного соприкосновения с мировым культурным опытом. Это стимулировало способность оперировать абстракциями, которые не имели непосредственного содержания в крестьянской жизни, включало представления об общей пользе, о борьбе с государством и т. д. Тем самым интеллигенция навязывала крестьянам чуждый и непонятный им образ жизни. Отторжение от народа происходило несмотря на важный идеологический прием, который пыталась использовать интеллигенция. Она исходила из того, что раскол между народом и интеллигенцией не отражает сути их взаимоотношений и может быть относительно легко преодолен революционным актом. Само представление о расколе интеллигенция пыталась всеми силами вдвинуть, как тяжелый шкаф, между народом и властью. Строилась некоторая иллюзорная модель раскола, которая как будто позволяла объединиться народу и революционерам с тем, чтобы этим нерасчленным единством сокрушить власть. *Трагедия революционной интеллигенции в России заключалась в том, что она не смогла преодолеть свой внутренний раскол между освоенными ею крестьянскими представлениями и представлениями, идущими от большого общества, далеко выходящими за рамки непосредственного крестьянского локализма.*

Пришедший на смену народничеству большевизм учел негативный исторический опыт и выдвинул новый, более сложный вариант решения все той же проблемы. Большевизм отказался от прямолинейной, как гвоздь, идеи непосредственного слияния части общества, теоретически дошедшей до осознания необходимости революции, с народом. В. И. Ленин увидел в учении К. Маркса об исторической миссии рабочего класса, о

его способности взять власть и создать в некотором смысле идеальное, справедливое общество открытие реального субъекта истории. Вместо непосредственного слияния с народом, т. е. главным образом с крестьянством, у большевистской интеллигенции возникла идея слияния через деятельность некоторого посредника, через медиатора. Культурные предпосылки и социальное основание большевизма по сравнению с народничеством расширились за счет включения более динамичных и относительно прогрессивных сил, связанных с городом, с современными видами производства, с западной наукой. Во всяком случае, могло казаться, что большевизм унаследовал от народничества не только реальность глубокого внутреннего раскола с народом, мучительное стремление к слиянию с ним, но и представление о том, что, по сути, на первый план выходит конфликт между эксплуатируемым, подавляемым творческим народом и злобной, враждебной народу властью. Здесь, следовательно, с одной стороны, была идея синкретического слияния народа и интеллигенции (у большевиков — партии), а с другой стороны — доведение до крайней манихейской формы оценки раскола между народом и властью как абсолютно антагонистическими субъектами.

Стремление Ленина к крайностям было средством для решения политических задач, а не самоцелью, как в синкретизме. На слова, что его политика крайностей заводит «черт знает куда», Ленин отвечал: «И прекрасно... Это вода на мою мельницу»³⁰. «Буржуазная или социалистическая идеология: середины тут нет...»³¹. «Средины нет, середина — пустая мечта мелкобуржуазного демократа»³². Так как буржуазия и другие эксплуататоры, по Ленину, господствовали в обществе, следовательно, общество — сфера зла, против которого выступает носитель добра, т. е. пролетариат, руководимый сакральным центром — партией, ее руководством. Постоянное стремление говорить на всем понятном языке манихейства привело к усилению все той же тенденции сводить все формы раскола к расколу между народом (бедными) и властью (богатыми).

Манихейское отрицание середины проявилось, в частности, в том, как в период назревания переворота Ленин постоянно повторял, что предлагаемые большевиками мероприятия просты, элементарны, что для их воплощения достаточно «одного удара», «декретирования». Иначе говоря, народу предлагалось, слившись с партией, совершить молниеносное чудо. Эта пози-

³⁰ См.: Авторханов А. Г. Ленин в судьбах России// Новый мир. 1991. № 1. С. 176.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39.

³² Там же. Т. 34. С. 319.

ция отражала не только манихейские представления вождя большевизма, но и массовую веру в чудо инверсии-революции. Господство инверсионного механизма динамики страны предвещало инверсионный, приобретающий катастрофический характер переход от первого глобального периода ко второму.

СКОЛЬКО ЭЛЕМЕНТОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БОЛЬШЕВИЗМА?

Идеологическая модель большевизма, в соответствии с до предела упрощенной манихейской моделью мира, содержит два основных элемента, две находящиеся в непримиримой схватке субстанции, два социальных субъекта всего миропорядка — добро и зло, интерпретируемые в большевизме как социализм и капитализм, бедные и богатые, рабочие и буржуазия и т. д. Однако эта примитивная модель, претендующая на социологическое объяснение бесконечного многообразия как российской, так и мировой реальности, вступила в противоречие с попытками большевизма осмыслить общество как некоторое многообразие. В идеологической модели абсолютно необходимой была фиксация трех основных сил. Это прежде всего буржуазия и пролетариат, что непосредственно укладывалось в манихейскую модель. Третий элемент — это «мелкая буржуазия»³³, фактически крестьянство, которое составляло подавляющее большинство в обществе. Но это сразу ставило проблему: где в этой модели предполагается раскол, куда двигать шкаф?

Отвечая на этот проблемный вопрос, В. И. Ленин создал теорию двойственности крестьянства, которое, согласно его схеме, постоянно колеблется между «Мы» и «Они», между рабочим классом и буржуазией. Крестьянин, по выражению Л. Д. Троцкого,— «Янус в лаптях». Это значит, что раскол проходит внутри крестьянства, даже внутри каждого крестьянина. Подобное развитие идеологической модели влекло за собой ряд важных следствий в концепции ленинизма. Во-первых, появилась возможность дифференциации иных социокультурных групп, истолкования их неоднозначного отношения к основополагающему признаку социальной принадлежности, т. е. возможность всю дифференцированную реальность общества интерпретировать через эту проблемную установку двоичности. Во-вторых, проблемность неизбежно требовала введения в модель фактора, который должен был разрешать эту проблему — определять, кто реально относится

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 41.

к сферам добра или зла. Решение этой задачи совсем не очевидно, и есть немало факторов, которые сдвигали бы колеблющихся либо к «Мы», либо к «Они». Все это весьма усложняло идеологическую модель, открывая возможность вводить в нее неопределенное множество элементов, и прежде всего элемент напряженности, а в конечном итоге — динамизма. Исключительная важность этой модели для понимания сути большевизма требует более детального ее рассмотрения.

ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА

На первом плане в идеологической модели большевизма стоит сила, воплощающая высшую Правду и способная «тянуть» за собой все общество, всех, кого большевизм полностью не противопоставил себе. Таким центром тяготения в этой модели является так называемая *партия нового типа*, т. е. организация медиационного типа, главная функция которой заключается в решении медиационной задачи.

В отличие от партии в либеральном смысле, которая завоевывает свое влияние в диалоге, партия нового типа, для того чтобы стать правящей, должна быть монологичной, быть реальным воплощением высшей Правды, быть хранителем ценностей земли. «Партия всегда права», — говорил Л. Троцкий. Она монологична по своей сути, так как ведет народ к единой высшей Правде. Она претендует на крайне важный результат, на то, чтобы стать комфортным монологическим тотемом массового архаичного сознания. Поэтому партия нового типа противоположна партиям либерального типа, которые постоянно спорят друг с другом, уже тем самым вызывая у носителей традиционной культуры дискомфортное состояние. Монологическое сознание абсолютизирует цель и допускает обсуждение средств лишь в рамках, не ставящих ее под угрозу. Отсюда рассмотрение всякого плюрализма, любых организационных форм для постоянного диалога как обмана, как «говорильни», затемняющих совершенно ясное и очевидное лицо Правды либо по глупости, либо в результате злого умысла, подкупа.

В сущности, партия нового типа — не партия в обычном понимании. Это особый социальный феномен медиационного типа. Партия в своем самосознании права даже в том случае, когда ее точка зрения инверсионным образом меняется. Меняясь, она остается неизменной в некоем высшем смысле. Массы могли пойти лишь за вечной, абсолютной, готовой Правдой, не допускающей кривотолков, заумных и непонятных рассуждений. Партия нового типа могла победить, только если она

представала как убежище, обиталище этой единой и единственной самоочевидной Правды.

В мире, где господствует кривда, Партия существует как некоторый оазис. Например, староверы считают себя сообществом, где и «ныне Правда обретается». Различные сообщества, коммуны духовных братьев и «чад Божьих» являлись островками «Царства Божия на земле». Теперь таким оазисом стала партия, которая явилась воплощением Правды и, одновременно, научной истины. Эта модификация была уже подготовлена до Ленина промежуточной интеллигенцией, которая ставила на место праведников себя, «друзей народа», различные партии и группы.

Партия нового типа, следовательно, — организационное воплощение высшей Правды, организация силы Правды, она сама — Правда. Она — тотем, противостоящий антитотему. Люди партии, сливаясь с Правдой, сами становятся ее воплощением.

Важнейшая нравственная обязанность партии состоит в охране каналов информации от проникновения в них кривды. Это и определяет нетерпимость и организационную жесткость партии, не допускающей ни перерастания взаимоотношений партии с народом в полемику по поводу правомерности монолога вообще, ни вторжения конкурирующего монолога. Исключительное чутье Ленина подсказывало необходимость постоянной борьбы за органическое единство организационного и нравственного идеала. Пожалуй, никто до Ленина не ощущал так остро эту связь, не бился с таким ожесточением за организационную форму монолога.

Ленин связывал утверждение своего идеала с массовым взрывом инверсионного типа. Сердцевина этой тактики заключается в стремлении институционализировать энергию масс, ее активное, подчас разрушительное движение, претворить ее в мощный энергетический источник организации медиационного типа, ибо господство псевдосинкретизма возможно лишь на основе особого типа организации, которая способна улавливать массовую социальную энергию, стимулируемую идеологией, и использовать ее для создания государства нового типа. Псевдосинкретизм — это социокультурный феномен.

Для функционирования такой организации необходима определенная группа людей, способная превратить бремя государственных обязанностей, строительства государства в свою собственную цель. Крестьянские восстания прошлого могли в лучшем случае выдвигать вождей, способных управлять государством на основе традиционных ценностей, т. е. ценностей, созданных на культурной основе патриархального сообщества,

экстраполяции его культуры на большое общество. Теперь, однако, нужны были совершенно иные люди. «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918) обвиняли неэлитарную интеллигенцию в безалаберности и неспособности заниматься серьезным трудом. Критики проглядели, что в ней было меньшинство, способное к тяжелейшей организационной работе. Среди него попадались выдающиеся организаторы. Именно эта способность к организационной деятельности создавала определенное сходство между этими людьми и той интеллигенцией, которая находилась на службе у царского правительства и своим трудом строила государство. Новое движение ориентировалось на организаторов государства, которые вели свою традицию, как полагают некоторые, чуть ли не с князя Курбского³⁴. Федотов называл этих людей «русскими европейцами», «строителями империи». Характерно, что именно люди, способные к организационной работе, рассматриваются как европейцы, как западный элемент русской культуры.

Рост небольшого числа неправительственной интеллигенции, способной к организационной работе, был очень важным для страны явлением. Он открывал возможность построения организаций медиационного типа, соединяющих несоединимое, решающих медиационную задачу через использование утилитарных манипуляторских механизмов и идеологии псевдосинкретизма.

В стремлении сделать партию гарантом от кривды, превратить ее в тотем в глазах миллионов — суть ленинизма. Ленин постоянно стремился создать *не партию в обычном понимании этого слова, а особый социальный механизм, улавливающий энергию масс*. Подобная попытка соединить, как заметил Бердяев, Степана Разина и Маркса была, в сущности, труднейшей, мучительной работой по выявлению в окружающем вечевом хаосе крупниц государственности. Это была попытка создать в кризисной ситуации машину, борющуюся с губительным для расколотого общества энтропийным процессом, машину, высасывающую социальную энергию из среды и направляющую ее в организационное строительство. Вера в массовое творчество, однако, не мешала Ленину стремиться к созданию организации, которая, не ожидая взрыва энергии, постоянно и повседневно стремилась извлекать из общества ее крупницы. Один из методов решения этой задачи — эффект парусника. Парусник, благодаря определенной конструкции парусов и умелому обращению, может плыть не только прямо по ветру, но и под углом к нему и, прибегая к маневру, — чуть ли не

³⁴ Федотов Г. П. Русский человек// Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

против ветра. Точно так же медиационная организация может расти, используя возбуждение масс, содержание которого подчас весьма далеко от системы ценностей медиатора, от целей государственности.

Партия нового типа, как любая организация медиационного типа, ставила своей непосредственной целью увеличить свое влияние, с тем чтобы возвысить себя до масштабов всего общества. В конечном итоге она, в противоположность другим партиям страны, была нацелена на инверсию в ее самой крайней форме. Приход этой партии к власти объяснялся тем, что она единственная в стране была готова к массовой инверсии, к тому, чтобы превратить инверсию в силу власти. Она — единственная, в которой идеально воплотилось манихейство массового сознания. Все иные партии погибли, так как они не учитывали существование гигантского инверсионного маховика, который швырял Россию из одной крайности в другую. Они погибли, пытаясь задержать инверсионную волну, сметавшую все на своем пути. Эти партии не могли, в силу своих принципов, следовать к тому полюсу, куда катилась эта волна. Большевизм был исключением. Ленин говорил: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию»³⁵. В основе веры Ленина в партию, в ее способность перевернуть общество лежало не стремление к заговору, как это многие полагают до сих пор, а уверенность в неизбежности мощного инверсионного взрыва (революции), который вдохнет в партию могучую силу.

Псевдосинкретическая идеология и идея создания партии нового типа внутренне глубоко связаны между собой. Псевдосинкретизм внутренне напряжен, он несет в себе конструктивную напряженность большой силы. Его существование оправдано постоянным стремлением подтянуть к вершине, к высшей Правде все без исключения слои общества, сделать всех сознательными, объединить всех в борьбе против кривды. Идея партии нового типа как союза единомышленников, наиболее передового отряда народа означает, что непосредственно руководят, управляют наиболее сознательные, т. е. те, кто ближе всех к высшей Правде, будучи практически способными при этом к организационной работе.

Высший уровень занимает ядро партии, носители основной идеи, т. е. *правящая элита*. Она, в принципе, подчинена монгологу Правды, является воплощением ее нравственной и организационной сути в той интерпретации, которая в данный момент является господствующей в партии. *Руководящее ядро*

³⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 127.

правлящей элиты воплощает авторитарный принцип. Это следует понимать как беспрекословное подчинение всех без исключения членов партии и зависимых от партии людей и организаций принятым решениям, которые, однако, не обязательно являются единоличным решением вождя. Следовательно, система псевдосинкретизма включала в себя авторитаризм, но не как абсолютную ценность, противостоящую другим идеалам, а как один из элементов некоторой сложной конструкции. Партия в идеале воплощала этот элемент. Любое значимое колебание в ее рядах, тем более в ее ядре, состоящем из профессионалов-революционеров, грозило утратой высших абсолютных ценностей, потерей тотемической сущности. Партия должна стать скалой в хаосе вечной анархии зла, которое несет буржуазия. В ее твердокаменности — залог возможности сохранить высшую Правду, передать ее народу. Диалог, сохранение меньшинством своего особого мнения, фракций и т. д. могут разрушить единственный путь к Правде, сделать его всего лишь одним из многих путей, что собьет народ с дороги социализма, оторвет авангард от масс.

Необходимость подчинения авторитарному монологу вызывала в партии ожесточенную борьбу. В ней возникло крыло, тяготевшее к либерализму. Его представители, как и Маркс, видели главную задачу партии в стимулировании развития самосознания пролетариата³⁶. Для этого течения была неприемлема авторитарная организация, невозможен отказ от определенных элементов разномыслия внутри партии. Это течение было несовместимо с псевдосинкретизмом.

Другое течение, получившее название меньшевизма, оказалось неспособным преодолеть местную кружковую ограниченность, подняться до понимания интересов целого. Оно оказалось в определенной зависимости от вечевого идеала, унаследовав в какой-то степени его локальную ограниченность.

Поскольку партия нового типа рассматривала себя как носительницу высшей Правды, она выступала как мессианская сила, как коллективный пророк, несущий Правду в массы. Ленин полагал, что партия должна идти во все слои общества и помогать всем двигаться к высшей Правде. Это возможно и необходимо, по мнению Ленина, так как народ инстинктивно тянется к Правде, хотя сам этого в должной степени не осознает. *Ленин был полон веры в существование классового чутья рабочего. В этом можно видеть важнейшую форму основного заблуждения интеллигенции.* По его мнению, «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что

³⁶ См.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., Л., 1926. Т. 15. С. 123.

иное, как зачаточную форму сознательности»³⁷. Вместе с тем он видел в научном коммунизме теоретическое выражение потребностей рабочего класса. *Это позволяло рассматривать массовое сознание как скрытую неразвернутую высшую истину, а научную теорию — как развернутую формулировку Правды народного сознания.* Гарантом Правды выступает классовый инстинкт угнетенного, с одной стороны, и последнее слово науки — с другой. Различия между ними сотрутся в процессе приобщения масс к высшей Правде-истине. Поскольку к высшей Правде через мир зла ведет лишь один путь, то пройти по нему можно лишь с поводырем, который уже знает путь инициации, партиципации.

РАБОЧИЙ КЛАСС

Идеологическая модель большевизма в целом носит иерархический характер, в ней все уровни размещаются на прямой, ведущей от бездны кривды к вершинам (или наоборот). За партией идут рабочие, связанные с городом и машинным производством. Рабочие представляли для Ленина, для партийной интеллигенции особый интерес. В крестьянской стране (в 1897 году в деревне проживало 85% населения) для успеха ленинизма был необходим какой-то более или менее значительный слой населения, который был бы ближе к ценностям высшей культуры, прежде всего к ценностям государственности, ближе к ценностям машинного производства и связанных с ним форм организаций.

Сам рабочий класс не был однородным. К высшему уровню принадлежала «рабочая интеллигенция», передовой отряд рабочего класса, организатор партии и социальная база ее руководства. Близки к этой группе, а подчас и слиты с ней интеллигентные рабочие, способные воспринять «общую идею политической борьбы». За немногочисленным передовым отрядом следуют широкие массы «средних рабочих», которые, по Ленину, «жадно стремятся к социализму», но не в состоянии разобраться в теории. Наконец, «масса низших слоев пролетариата», которым недоступна даже газета. Иерархия уровней развития рабочего класса есть иерархия нравственных задач. Высшие нравственные требования предъявляются рабочей интеллигенции, суть их — в максимальном осознании Правды, поскольку ее миссия — стать выразителем классовых интересов рабочих в целом. Ее задача — «приблизиться к массе, к ее уровню», но ни в коем случае не «потакать предрассудкам и

³⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 29-30.

отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д., и т. п.»³⁸.

Ленин склонялся к определению рабочего класса через эксплуатацию, тем самым приспособляясь к массовому сознанию и одновременно делая границы класса неопределенными. С одной стороны, Ленин рассматривал инженеров как принадлежащих к рабочему классу, с другой же — провозглашал возможность определения беднейшего крестьянства как сельского пролетариата: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что составляет $\frac{4}{10}$ населения), т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян»³⁹. Далее он настаивает на необходимости относить неимущее крестьянство к сельскому пролетариату⁴⁰. Его анализ имел явный крен к определению рабочего класса через схему «бедный — богатый», совпадающую с антитезой добра и зла. Эта русская версия марксизма и внедрялась в сознание масс. «Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма»⁴¹. Рабочие, разумеется, их антитеза. Партия могла повести рабочих за собой при одном обязательном условии: необходимо было убедить их, что идеалы, которые несет партия, дают средство для достижения целей, уже созревших в сознании рабочих. Но для решения этой задачи партии предстояло проникнуться ценностями рабочих, убедить их в том, что партия и есть та сила Правды, приобщение к которой вдохнет силу в самих рабочих. В принципе это соответствовало философским основам партийной доктрины, понимавшей партию как специфически рабочую. *В действительности же партия могла идти навстречу потребностям рабочих лишь в той степени, в какой это соответствовало, не противоречило решению медиационной задачи.* Надо было так интерпретировать настроения и действия тех, кого партия на данный момент рассматривала как рабочих, чтобы использовать их социальную энергию для создания государства.

Это требовало постоянной работы над доктриной, корректировки ее в соответствии с изменениями массового сознания, работы по поиску эффективного компромисса. Эта задача решалась в процессе ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы против доктринеров, следующих логике теории и угрожающих тем самым взаимопониманию между партией и рабочими, по-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

³⁹ Там же. Т. 3. С. 170.

⁴⁰ Там же. С. 171-172.

⁴¹ Там же. Т. 26.

скольку, углубляя доктрину, они делали ее недоступной пониманию рабочих. Это практически означало, что те или иные доктрины партии не могли навязываться рабочим, но сами доктрины, сами действия партии должны были учитывать систему ценностей рабочего класса. Вот пример. В октябре 1913 года кадетская газета «Речь» подчеркивала, что сочувствием большинства рабочих пользуются большевистские депутаты Думы, но не депутаты социал-демократов, склонные к либерализму. Настроения рабочих толкали депутатов на крайние действия. Рабочие выражали недовольство недостаточно твердым их поведением. Большевики делали все, чтобы максимально сблизить свою систему ценностей с ценностями рабочих. Возможность этого лежала на путях перехода к более крайним действиям и требованиям, на путях поведения инверсионного типа, манихейской идеологии. Невозможность для слабой партии управлять рабочими авторитарными методами, необходимость идти навстречу их системе ценностей требовала от руководства партии основывать свое отношение к ним на идеале общего согласия. Руководство партии должно было работать над проблемой компромисса своей концепции Правды с реальными рабочими. *Таким образом, псевдосинкретизм включает в себя второй уровень иерархии, ориентированный на специфический социальный слой (рабочий класс) и несущий особый идеал, который в идеологической модели выступает не как самостоятельный, а в качестве необходимого элемента псевдосинкретизма как целого.*

КРЕСТЬЯНСТВО

Следующий уровень иерархии идеологической модели — крестьянство. Именно оно в конечном итоге решало судьбу страны, что постепенно поняли Ленин и его окружение. Уже вскоре после переворота было констатировано, что влияние в обществе массовых ценностей крестьянства было столь велико, что «рабочая по форме революция по существу была еще крестьянской; глухая стена деревенской диктатуры сковывала нас на каждом шагу»⁴². Для вовлечения крестьянства в орбиту деятельности революционной организации существовали на первый взгляд непреодолимые препятствия: во-первых, его система ценностей была чужда ценностям прогресса; во-вторых, локалистское мировосприятие противоречило ориентации на государственность; в-третьих, умеренный утилитаризм постоянно рождал развитие его формы, что было смертельно

⁴² Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21.

опасно для всей системы псевдосинкретизма. Возможности для формирования аппарата партии в деревне были совершенно незначительны. Удельный вес крестьян в партии вырос с 1905 по 1917 год с 4,7 до 7,6%. Учитывая, что общая численность членов партии до свержения монархии составляла менее 24 тысяч, влияние партии на крестьянство было мизерным. Оставалось ждать, следить за событиями, выдвигать лозунги, тесты и ожидать реакции масс, а главное — постараться в самой системе ценностей крестьян найти какие-то элементы, которые могли бы быть положены в основу системы коммуникаций с ними.

Для решения этой проблемы Ленин разработал учение о союзе рабочего класса и крестьянства. Его смысл заключался в необходимости через рабочих распространить влияние партии на основную часть населения. «Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне», — призывал Ленин⁴³. Он разработал концепцию революции в России, предусматривающую максимальное сближение партии с крестьянством.

Судьба буржуазной революции определялась, по мнению Ленина, колебаниями крестьянства между либеральной буржуазией и пролетариатом, что ставит перед пролетариатом задачу перетянуть крестьян на свою сторону и установить с ними союз, основу *будущей революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства*. Возможно, это самый безумный теоретический ход ленинизма. Необходимо было любой ценой избежать конфликта с крестьянством, нужно было стать своими для него. Но для этого требовалось включить в саму доктрину партии определенные крестьянские ценности. В сущности, от этого зависело все. *Ленин был вынужден признать ценности крестьянства, перейти на его позиции, практически усвоить вечернюю точку зрения*. В 1894 году Ленин писал: «Социал-демократы безусловно примыкают к требованиям полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления»⁴⁴. В дальнейшем с нарастанием кризиса в стране Ленин выдвигает все более смелые, многообещающие лозунги соединения партии с крестьянством. В 1902 году он заявил: «Мы верим, что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию

⁴³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 300.

как на защитницу ее интересов»⁴⁵. Ленин выступил в защиту общины. Надежда на поддержку со стороны крестьянства основывалась на убеждении в способности партии указать беднейшему крестьянству причины его бед, отыскать реальных виновников.

Своего апогея подобная ориентация достигла на следующий день после установления советской власти. Известный декрет «О земле» и приложенный к нему в качестве руководства по осуществлению земельных преобразований крестьянский наказ о земле, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, представляют собой торжество архаичных идеалов. О значении этого важнейшего события еще будет идти речь. Ленин считал: «Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам»⁴⁶. Это высказывание представляет большой интерес. Ленин последовательно шел на разработку приемлемого для крестьянства компромисса, версии Правды, которая могла лежать в основе коммуникаций между партийной элитой и основной массой населения.

Это отступление партии перед ценностями крестьянства практически означало, что компромисс заключался не на основе авторитаризма и не на основе ценностей всеобщего спонтанного согласия. Он заключался на основе соборного идеала, т. е. признания необходимости включения в систему Правды стихийного, неуправляемого или слабо управляемого элемента. Это отступление перед ценностями крестьянства открывало для партии мощный источник энергии. Безусловно правы А. И. Елизарова-Ульянова, И. А. Бунин, которые утверждали, что своей победой Ленин обязан знанию мужика и своей крестьянской политике на основе предоставления крестьянскому сообществу права самим решать свои дела.

Следовательно, в качестве третьего уровня, включенного в псевдосинкретизм, выступал соборный идеал. Необходимость признания его, как и двух предшествующих, диктовалась не только тем, что за каждым идеалом стояла достаточно мощная реальность, но и тем, что воспроизводство государственности не могло игнорировать ни один из этих значимых элементов реальности.

⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6.

⁴⁶ Там же. Т. 35. С. 27.

Этот компромисс с крестьянством, далеко идущее стремление идти ему навстречу означали, что партия сделала своей главной опорой силы, защищающие докапиталистические идеалы, силы, тяготеющие к синкретизму.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Разнообразие социокультурных групп в обществе для большевизма, как, впрочем, и для других партий, пытающихся «овладеть массой», имеет двойной смысл. С одной стороны, система ценностей социокультурной группы, включенная в модель,— объективное явление, нечто внешнее, освоенное идеологией, нечто, с чем необходимо считаться. Но, с другой стороны, это внешнее становится определенным содержанием большевизма, элементом его идеологической модели. И соборный, и авторитарный идеалы, и марксизм, и «грабь награбленное», и «собственность есть кража» — все что угодно может стать предметом интереса большевистской идеологии, включиться в ее содержание, если это представляется значимым для достижения поставленных целей. Разумеется, преодоление разрыва между разными оценками является задачей идеологической деятельности. Например, превращение крестьянских представлений о целях и ценностях из внешнего фактора идеологии во внутренний означает, что сами эти ценности приобретают в партии свою оценку, внешнюю для крестьян и внутреннюю для идеологии. Эта внутренняя оценка связана с тем, что в идеологической модели любая значимая социокультурная группа занимает определенное место на напряженной идеологической прямой между абсолютной Правдой и абсолютной кривдой. Конечно, эти разные оценки, вошедшие в идеологию, противоречие, раскол между ними могут привести партию к гибели (вспомним народничество!) и являются предметом постоянной озабоченности, рефлексии, постоянного воздействия с тем, чтобы уменьшить разрыв между оценками. В соответствии с идеологической моделью преодолеть разрыв можно в результате движения к высшей Правде. *Большевизм существенно критичен и рефлексивен по отношению к собственным оценкам.* По сути дела, постоянная борьба против расхождения этих оценок составляет живое содержание идеологического творчества большевизма.

Для выявления механизма этого процесса необходимо выделить *обобщенные типы реальных систем ценностей, которые большевистская идеология была способна включать в свою систему ценностей, делать их в явном или скрытом виде своим содержанием, своими обобщенными ипостасями,*

своим языком. Здесь можно выделить, *во-первых, традиционализм*, необходимый для взаимопроникновения разных ценностных смыслов, для установления коммуникаций с основной частью народа; *во-вторых, усеченный либерализм*, необходимый для превращения всех достижений мирового либерализма, прежде всего техники, науки, организации труда и т. д., в набор средств для коммуникаций, обмена смыслами со всеми силами, способными быть движущей силой модернизации, для подтягивания общества до уровня проблем модернизации. Большевизм был нацелен на синтез этих двух различных, в некотором смысле даже противоположных, систем ценностей. *Над этими двумя ипостасями была надстроена третья — утилитаризм*, последовательно реализуемый на практике в деятельности партии нового типа. Эта третья ипостась может играть объединяющую, синтезирующую роль, что возможно, если первые две превращаются в реальный предмет манипулирования.

Роль утилитаризма в большевистской идеологии исключительно велика. Достаточно общеизвестно мощное влияние утилитаризма на мировоззрение русской интеллигенции. Там он был подчинен целям освобождения народа, удовлетворения его потребностей. Утилитаризм интеллигенции подошел к идее утилитарного отношения к искусству, к теории. Сложилось убеждение, что та теория хороша, нравственна, которая помогает достижению поставленной цели. Этот утилитаризм допускал парадоксальные выводы — что не нужны, например, бесценные творения национальной культуры, творчество Пушкина и т. д., так как они не утилитарны, не соответствуют сиюминутным задачам обеспечения блага народа. Более того, *утилитаризм открыл возможность использовать народные, как, впрочем, и либеральные, представления как средства для достижения целей, чуждых самим этим представлениям, их носителям.* Господствующая роль утилитаризма в большевизме могла быть выражена вполне безобидным образом, например, в убеждении о необходимости для партии разговаривать на языке соответствующих социальных групп. Ленин считал, что «человек, выступающий перед рабочей массой» может говорить «в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы»⁴⁷. Внимание большевизма было направлено на постоянное вычитывание в массовом сознании основных ценностей, тенденций развития. В период нэпа Ленин говорил о необходимости «изображать... возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление». Это бы-

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 423.

ло, по его мнению, нужно, «чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе», поскольку нельзя «вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни»⁴⁸. Следовательно, проблема смысловых коммуникаций, диалога переходит с уровня слов на уровень интерпретации сложных процессов, что в конечном итоге является проблемой связи между социальными группами с глубочайшими культурными различиями.

Ленин не раскрыл суть механизма псевдосинкретизма, т. е. не подверг его рефлексивному исследованию. Но этот механизм хорошо прослеживается в ленинизме, выдвинувшем идею создания некоторой медиационной организации — хранителя народного идеала и идеи массовой инверсии. Соединение того и другого, т. е. превращение энергии инверсии в энергию партии, создало возможность интеграции общества, дошедшего до крайних форм распада и локализма. Без понимания этой сути ленинизма, которая с марксизмом, кстати говоря, не имеет ничего общего, нельзя понять новое общество, его идеологию.

Развитие утилитаризма приводит к появлению людей, способных быть идеологами, т. е. деятелей, способных отделять себя от собственных представлений и рассматривать культуры, их элементы не как естественную самооценку, но как средство для утилитарных целей, например, для соединения церковного богословия с массовым сознанием, для соединения государственности и ценностей основной части населения, даже если последняя мыслит и живет в догосударственных представлениях.

Утилитаризм не сводится к личной корысти, но является определенной формой логики, формой мышления, которое способно отвергать и использовать любых богов, любые ценности разных культур. Идеология есть особый феномен культуры, превращающий последнюю в утилитарное средство социальной интеграции. Псевдосинкретическая идеология большевизма была призвана постоянно интерпретировать, находить меру соотношения двух первых ипостасей для их соединения, отождествления в изменяющейся ситуации, чутко реагировать на сдвиги в массовом сознании, руководствуясь при этом лишь одной задачей — созданием общей нравственной основы для воспроизводства интеграции общества.

Идеология действительна лишь тогда, когда она является формой интерпретации массовых культурных процессов, способна вписаться в различные, противоположные культурные пласты расколотого общества. В самом общем виде суть идеологии в том, что она создает основу для убеждения людей, стоящих по

⁴⁸ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж; Нью-Йорк, 1983. С. 30, 117.

разные стороны раскола, что народная Правда и *есть* научная истина и, наоборот, что научная истина и есть Правда, что свобода и есть воля и, наоборот, что демократия и есть общинное локальное самоуправление, поднятое до масштабов общества, что государственный социализм и есть общинный социализм, что первое лицо в государстве и есть патриархальный отец, что любое явление — потенциальный оборотень, что любой ущерб, неудача тождественны воле скрытого врага и т. д. Например, люди, верящие в народную Правду, полагают, что наука приводит к тем же результатам, так как она открывает, систематизирует лишь то, что народ сознает, но не всегда может выразить.

Ипостасное мышление открывает достаточно широкие возможности социальной интеграции. Например, вокруг слова «империализм» можно объединить как тех, кто видит в этом научное определение капиталистической реальности, так и тех носителей архаичных традиций, кто ищет современное воплощение мирового зла. Идеология основана на двусмысленности слов, представлений, словосочетаний, понятий. Иногда они прямо носят сдвоенный характер, например, «батько-командарм», как именовал себя Махно, «народный академик», «руководящая роль партии как форма народовластия», «генеральный секретарь», «социалистическое государство, воплощая народовластие, является отрицанием государства» и т. п. В каждом из возможных представлений два различных, отрицающих друг друга полюса. Одну из ипостасей этого мышления можно рассматривать также и как форму освоения предметности, т. е. воспроизведения внекультурной предметной реальности в понятиях, представлениях, теориях, концепциях и т. д., в перспективе претендующих на научный характер, на объективное содержание. Другая ипостась является воплощением личностной культуры значительной части общества, несущей архаичное содержание.

Ипостасное мышление приобрело в псевдосинкретизме характер отождествления, слияния массового сознания и науки, что можно расценивать и как попытку вернуться к синкретизму, не расставаясь с наукой, и, одновременно, как попытку перейти к научному мышлению, не расставаясь с обыденным сознанием. Псевдосинкретизм излагается на языке науки (эксплуатация, революция, социализм и т. д.), что делает его понятным интеллигенции. Но одновременно его структура имеет форму синкретического повествования, манихейской нравственной притчи, лубка и именно в таком виде воспринимается широкими массами. Это достигается тем, что его научная сторона построена как модификация представлений массо-

вого сознания (мироедство, борьба за волю, царство Правды и т. д.). Люди, вышедшие из низов и получившие какие-то представления о языке науки, видели в ней рационализацию древних идеалов народа, а не выход человечества к ранее скрытой реальности. Характерно высказывание Н. И. Рысакова, одного из участников убийства Александра II: «Свои социалистические убеждения я почерпнул из крестьянства, убеждения эти правильно сформировались только за последние два года, когда я сумел их подвести под известные уже в науке формулы. Я убежден в том, что вся масса страданий низшего класса всякого государства, что деления всякого народа на два весьма не похожих друг на друга лагеря — имущих и неимущих, что порабощение неимущих имущими и т. д. происходит от существования строя, который я называю либеральным».

Псевдосинкретизм как попытка нерасчлененного слияния разнородных пластов мышления не был изобретением большевизма, но большевизм, усилив в нем значимость утилитаризма, превратив в средство специализированной идеологической деятельности, придал ему заверченный характер. Созданная идеологическая модель имела целью направить развитие страны к некоторому мысленно сконструированному идеальному состоянию, используя для этого все мыслимые и немыслимые средства. Причем для каждой социокультурной группы мог выработываться особый язык. Идеология носила жестко нормативный характер и не знала альтернатив. Имитируя и науку, и миф, она как бы точно знала, куда должно идти общество. Фактически, однако, альтернативы входили в эту модель. Это прежде всего альтернатива чисто инверсионного типа, связанная с возможностью движения общества по прямой, соединяющей Правду и кривду, но в обратном направлении. Во-вторых, сама высшая Правда могла подспудно интерпретироваться, изменяться, например, включать в себя модернизацию, элементы либерализма и все, что угодно. Это делало псевдосинкретическую модель способной в определенных рамках проявлять гибкость перед лицом вызова истории.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ БОЛЬШЕВИЗМА

Определяющее влияние утилитаризма в идеологии означало в конечном итоге, что сама Правда стала предметом утилитарного манипулирования. Как апостол Павел, который с иудеями говорил, как иудей, с эллинами — как эллин, с варварами — как варвар, так и Ленин с каждой из групп населения говорил на ее языке. Как только позволяла общая ситуация, утилитарные принципы открывали возможность для измене-

ния соотношения сил, отказа от компромисса, отступления от ценностей тех или иных сословий якобы во имя высшей Правды. Разномыслие, следовательно, рассматривалось как фактор, который следует, в конечном итоге, использовать как стимул для его ликвидации. Все сводилось к убеждению, что правда едина и единственна.

Выдвижение утилитаризма на первый план среди ипостасей псевдосинкретизма означало, что, хотя принцип моноло- гизма Правды оставался незыблемым, в действительности за этой видимостью шел постоянный поиск компромисса между ипостасями в соответствии с их социальной значи- мостью, в соответствии с необходимостью в конкретной ситуации решать медиационную задачу. Значит, была воз- можность в угоду конъюнктурности отойти от версии Правды, которая только что казалась единственно возмож- ной и оставалась таковой после своего изменения.

Тем самым псевдосинкретизм отошел также и от револю- ционного просветительства, признав, что сама высшая Правда нуждается в корректировке массовым сознанием. Партия, ден- но и ночью приобщая массы к высшей Правде, должна одно- временно корректировать, развивать высшую Правду, прислу- шиваясь к ней в народной жизни. Партия должна была учить народ и одновременно учиться у него. Таким образом, постоя- нно совершенствовалась возможность решать медиационную задачу. При господстве утилитаризма Правда не могла быть чем-то абсолютным, как это было в синкретизме. Она не могла быть и синонимом научной истины. Содержание Правды стало в известном смысле проблематичным. В этом отходе от синкретизма существенный признак псевдосинкретизма. Правда в псевдосинкретизме стала результатом постоянного утили- тарного поиска, решения медиационной задачи, т. е. компро- мисса между разномыслием и интеграцией, движения от не- сознательности к Правде в ее высшей форме. Для партии это означало необходимость отстаивать свои ценности на языке ценностей каждой из значимых групп, попавших в сферу «на- ших».

Значение государственной идеологии прежде всего в том, чтобы неустанно и повседневно формировать для массового сознания комфортную картину мира. Она, с одной стороны, должна опираться на господствующую сегодня форму нравст- венного идеала, а с другой — направлять массовую воспроиз- водственную деятельность против дезинтеграции. Накал идео- логической деятельности был не просто результатом злой воли тех или иных большевистских лидеров, но свидетельствовал о том, что в расколотом обществе решению указанной двойкой

задачи постоянно угрожала опасность несовместимости ее сторон. Тем не менее деятели «идеологического фронта» постоянно пытались строить картину комфортного мира, опираясь на прошлый опыт борцов за Правду, включавший и прямые фальсификации, составление подложных царских грамот⁴⁹, призванных вызвать у народа эмоциональный взрыв в «нужном» направлении.

Вся дальнейшая одиссея псевдосинкретизма драматическим образом следовала за массовыми нравственными идеалами, перебирая в определенной последовательности их возможные гибридные комбинации. Возможность и направления этого движения не были разгаданы ни самим основателем псевдосинкретизма, ни его критиками.

Формирование гибридных нравственных идеалов на основе утилитаризма содержало неожиданную возможность: утилитаризм как стремление ради некоторой заданной цели превращать все, включая и нравственные идеалы, в средство не нес в себе какого-то особого пристрастия ни к одному из имевшихся трех идеалов в ущерб другим. Безнравственному владельцу капитала все равно, куда вкладывать деньги: в производство отравляющих газов или лекарств, лишь бы был нужный ему эффект. Появлялась возможность комбинирования нравственных идеалов, включая как тоталитаризм, так и либерализм. Выбор определялся конъюнктурой, а не предвзятыми догмами. Большевистский псевдосинкретизм содержал в себе, кроме трех уровней нравственных идеалов, возможность их соединения посредством трех ипостасей — утилитаризма и через него традиционализма и либерализма.

Из этого следует принципиальное отличие логики большевизма от логики классического марксизма. Ленин действовал по логике конъюнктурного манипулирования. Маркс же в решении стратегических и тактических задач действовал «в зависимости от своих теоретических (философских, политико-экономических и иных) взглядов»⁵⁰, т. е. следовал имманентной логике мысли. Между тем официальная идеология как раз и пыталась доказать, что все ее постоянно меняющиеся идеологии — это выводы науки и философии. Многие критики ленинизма пытались выделить это теоретическое ядро и обру-

⁴⁹ Интересен подложный манифест, составленный группой крестьян и отставным солдатом, подписанный «кавалером финансов» и «царем». См.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 480-481. (Не отсюда ли Гоголь взял жалобу купца Абдулина в «Ревизоре»?)

⁵⁰ *Гранин Ю. Д.* Марксов проект общественного переустройства: философско-социологический контекст// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 30.

шить на него огонь критики. Ядром мог быть и марксизм, и «грабь награбленное», и прочее, и прочее. *В действительности эта идеология не содержала ничего абсолютного и неизменного, за исключением стремления постоянно решать любыми средствами медиационную задачу, манипулируя идеями, людьми, ресурсами.* Любая идея, которая может казаться самоценной, при изменении ситуации забывается в единый миг, а люди, которые принимают ее за чистую монету, подвергаются забвению или исчезают в огне террора. Так погибли и марксисты в партии (если считать, что они реально были), и те, кто осуществлял лозунг «грабь награбленное» (террор включал и попытку уничтожения уголовников: в частности, их топили в баржах), и все остальные, кто следовал некоторой последовательной логике идей, безразлично какой.

Самый большой секрет большевизма, следовательно, заключается в том, что большевики, став правящей партией, выхватывают из окружающей среды и превращают в определяющие для себя различные, практически любые, а значит, и исключают друг друга идеи, если они обещают решение медиационной задачи, сохранение государственной власти.

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ КАК ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Институт, воплощающий организационное и идеологическое единство псевдосинкретизма, может занять господствующее положение в обществе, стать реальным медиатором лишь в результате массовой инверсии, возможно — взрыва, разрушающего общество, в результате массового инверсионного рывка миллионов к Правде, воплотившейся в партии нового типа, в ее вожде. Отсюда перешедшее от революционных групп интеллигенции к Ленину стремление поддержать, стимулировать массовую инверсию. Собственно, в этом, и только в этом, была движущая сила, которая могла превратить умозрительные результаты интерпретации нравственного идеала в социокультурную реальность. Отсюда стремление разжечь классовую борьбу, кровавое, ничем не ограниченное побоище. «Крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать», — писал Ленин. Отсюда рассмотрение Лениным повседневной жизни как периода подготовки бунта-революции, когда все подчинено будущей победе. Любая уступка со стороны власти или политического противника воспринималась не как залог соглашения, не как элемент конструктивного диалога, но как обусловленный законами истории акт победы, как

сигнал высшей Правды, как стимул для достижения новых побед, вплоть до ликвидации врага.

Понятие революции в ленинизме было, в сущности, переводом на язык марксизма древнего представления об очистительной, чудесной, освобождающей от кривды инверсии и ментальной массовой партиципации к Правде. Революция — высшая цель и спасение. Никаких половинчатых инверсий быть не может. Никаких действий, которые могли бы послужить на пользу старому миру, быть не должно. В этой связи интересно отношение Ленина к разрухе, катастрофически росшей в стране после падения монархии. Поскольку главной причиной разрухи он считал власть буржуазии, единственный выход он видел в революции. Отсюда отрицание «новых реформ», «планов», «всеобъемлющих преобразований»⁵¹. Иначе говоря, никакой конструктивной деятельности против разрухи как таковой, в отрыве от переворота. Революция решит все проблемы, и наоборот, «чем дальше будет оттянута пролетарская революция... тем труднее будет наладить подвоз и распределение хлеба»⁵².

Налицо типичный манихейский подход к конкретным социальным задачам. Уничтожение старой власти может быть описано на языке синкретизма как избиение злых сил, кровопийц, паразитов, оборотней и т. п.

Ленинизм опирался на уже сложившийся образ капитализма как всесветного аморального мироеда, способного на любое преступление, не признающего ни права, ни любви, ни сострадания, как разорителя и разрушителя. Коварство злых сил, ранее насылавших порчу, губивших урожаи и т. д., теперь стало проявляться в более современных формах — они вредили посредством денег и торговли, высасывая живую силу из людей, разлагая Правду деньгами. Главным оружием темных сил стал подкуп. Если раньше люди обвинялись в колдовстве, то теперь — в корыстолюбии, продажности, службе злым силам за деньги. Это открывало путь для модернизации манихейства посредством понятий экономической науки. *Манихейство у Ленина приняло модернизированную форму науки о классовой борьбе.* А. Потресов писал в своих воспоминаниях: «Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие — в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу одного этого трактуемые как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим-врагом для Ленина не существовало всей промежуточ-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206.

⁵² Там же. С. 410.

ной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений». Вся история человечества есть история борьбы «обездоленных» и тех, кто «поддерживает помещиков и капиталистов». Их прислужники, например, либеральная партия, кадеты, являются врагами народа⁵³. Враг народа — не правонарушитель или преступник в либеральном смысле. Это живой носитель зла, оборотень, подлежащий разоблачению и уничтожению.

Утилитаризм по своему существу равнодушен к манихейству, как, впрочем, и к любому другому мировосприятию. Но он вынужден считаться с ним как с массовой силой, как с языком, посредством которого только и можно приводить в движение значительную часть населения. Основная масса народа знала лишь тот тип конструктивной напряженности, который был связан с ненавистью Правды к кривде. Поэтому действовать они могли лишь во имя Правды. Ленин это ясно видел. Его концепция классовой борьбы была, в сущности, специфической модификацией манихейства, имеющей целью направить массы на разгром сословного общества в стране, а в конечном итоге — во всем мире.

Партия нового типа могла реально утвердиться лишь в результате своеобразного схлопывания, т. е. разрушения всех социальных отношений, культуры выше определенного уровня сложности, упрощения общества до относительно примитивного уровня. Именно на этой основе силы общественного хаоса неизбежно примкнули к более или менее жесткой организации, которая является одновременно носителем идеала и структур, соответствующих новому господствующему уровню сложности. Ленин уловил новую культурную и социальную потребность, а затем организационно возглавил упорядочивание результатов схлопывания, возглавил первое в истории расколотое общество, уходящее от традиционализма и не пришедшее к либерализму.

Ни Ленин со своим незначительным количеством сторонников, ни вообще кто бы то ни было в мире не мог придумать и создать нечто подобное. Но это можно было открыть и использовать, что и было сделано.

При всей кажущейся сложности псевдосинкретизм удивительно прост. Слабость срединной культуры выдвинула на первый план то, что было «под рукой», т. е. утилитаризм, который мог использовать другие идеалы в качестве средств. *Большое общество могло быть создано не через уничтожение раскола, а через его превращение в энергетический потен-*

⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 126.

циал возбуждения масс. Манихейское сознание, везде видевшее кривду, создало для этого определенные возможности.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ И «ОБЩЕСТВО НИЗШЕГО КЛАССА»

Было бы крайне опрометчивым предполагать, что общество могло положить в свою основу идеологическую и организационную систему псевдосинкретизма в результате злой воли какой-то группы лиц. Это могло быть лишь результатом крайне обостренного, угрожающего катастрофой противоречия между воспроизводимыми (или невозпроизводимыми, погибающими) социальными отношениями и культурой, исторически сложившимися культурными программами воспроизводственной деятельности. По сути дела, возведение псевдосинкретизма к вершинам власти было попыткой критики исторического опыта общества, где большое общество, вступившее на путь модернизации, опиралось на архаичную массовую культуру, несущую программы локализма и авторитаризма. Специфика этой критики, однако, состояла в том, что если субъектом либеральной критики могла быть группа либералов, один человек, то критика, способная вывести общество на уровень нового качественного состояния, требовала массового субъекта, миллионов людей. Но уровень критики в этом случае мог носить лишь инверсионный характер, что и обусловило политическую победу большевизма. Появление псевдосинкретизма открыто возвестило возникновение нового типа цивилизации, где древние ценности защищались современными средствами. Псевдосинкретизм явился отчаянной попыткой миллионов преодолеть раскол, вернуться к идеалам гармонии, естественной жизни, к покою и благосостоянию. Ленин лишь выразил этот порыв, создав для него идеологическую и организационную форму жесткой и одновременно динамичной партии нового типа.

Каково же то общество, которое выдвинуло к вершинам власти это странное учение, не имеющее длительного устойчивого концептуального пристрастия (что не исключало возможность таких пристрастий у каждого из его сторонников)? К ответу на этот вопрос можно подойти по-разному. Один из путей поиска ответа — изучить, как функционировала идеологическая модель ленинизма, и выяснить, какой ответ давало общество на нее. Какой материал давало общество для наполнения этой всеядной, хотя и жесткой идеологической схемы?

Модель общества, функционирующая как проявление и результат раскола, существовала на стыке двух потоков. На

одной стороне раскола были люди, склонные опираться на государство, на общие идеи государственности, на (псевдо)-науку. Навстречу им шли активизирующиеся почвенные силы. Люди, способные к организационной работе, росли на народной почве, в крестьянских мирах. После реформы 1861 года из крестьян «выделились такие личности, которые могли постоять за их (крестьянские) права»⁵⁴. Возник тип крестьянина, который «умственнее» прочих мужиков, лучше всякие «ходы» знает, в состоянии разобраться в законах, может толково и связно объяснить суть дела в спорах с начальством. Такие крестьяне были способны верховодить миром и быть ему полезными. Однако в первую очередь силы, способные к организации, кадры партии шли от высшей культуры, образования, просвещения. Эти организаторы развивались на той же почве, что и предприниматели, способные создавать новое производство, разные «заводы заводить». Эти люди, постепенно вытесняя, истребляя старую гвардию большевиков, несли наверх, к ядру партии, те ценности, которые в первый момент существования новой власти рассматривались как подлежащие вытеснению. Это означало, что общество находило канал воздействия на содержание основополагающих идей партии. Именно драматическое движение идей, постоянная борьба и смена идеалов внутри партии раскрывают не только специфику жизни партии, но и специфику псевдосинкретического общества на всех его этапах. Ленин сделал отождествление этих двух потоков, объединение разнородных, даже враждебных сил задачей партии, для чего, собственно, и нужен в определенном типе общества псевдосинкретизм.

Идеологическая модель псевдосинкретизма выступала как претензия на провозглашение новой послекapиталистической цивилизации, которая избавлена от пережитков и несознательности. *И это действительно была новая цивилизация, но не послекapиталистическая. Это была уникальная форма общества, «застрявшего» между двумя основными цивилизациями — традиционной и либеральной*⁵⁵. Идеологическая большевистская модель была одной из попыток удержать расколотое между двумя суперцивилизациями общество от катастрофического развала. *Потребность общества в такой идеологической модели, согласие на ее функционирование возможны лишь в совершенно особых, исключительных условиях: во-первых, мощного влияния традиционализма, требующего интерпретировать новое как старое, как проявление*

⁵⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 149.

⁵⁵ См.: Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу» // Атмода. Рига. 1990. 29 апр.

народной Правды, как реализацию чего-то исконного; *во-вторых, господства инверсионного мышления и слабости медиационного*, что требует от идеологов давать социальную интерпретацию реальных и возможных инверсионных поворотов; *в-третьих, существования мощного культурного перепада, раскола*, что, собственно, и порождает проблему гибридного идеала как основы манипулирования общественным сознанием и нравственными идеалами; *в-четвертых, существования партии нового типа*, объединившей в нерасторжимое целое организацию власти и идеологическую деятельность; *в-пятых, соблюдения тайны гибридности господствующего идеала*. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий формирование такого рода идеала может в лучшем случае стать частным делом тех или иных групп, т. е. не иметь значимой роли в обществе.

Механизм псевдосинкретизма показывает, что его суть не может быть сведена к социокультурным характеристикам любой из групп, входящих в идеологическую модель. Новое общество было, безусловно, результатом массового стремления крестьян вернуться к древним идеалам жизни, отбросить либеральные новшества, товарно-денежные отношения и т. д. Одновременно новое общество было и результатом стремления городских рабочих остановить развитие капитализма, ослабить давление хозяина. Но в то же время новое общество являлось и результатом стремлений русской интеллигенции построить общество на основе высшей Правды, «общество низшего класса» (выражение социолога Э. Орловой), где интеллигенция могла бы слиться с народом.

Каждая из этих групп внесла свой вклад. Крестьянство тянуло в него традиционализм как культурный фундамент общества, постоянно порождающий то авторитаризм, то локализм. Рабочие обеспечили возможность развития городов, современного типа производства, возможность ограниченных форм модернизации. Интеллигенция сделала возможным организационное и культурное соединение расколотых частей общества. Баланс между этими силами никогда не оставался постоянным. История процесса их взаимодействия преисполнена драматизма и человеческих страданий.

Массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы. И власть, озабоченная решением медиационной задачи, может лишь в определенных рамках их интерпретировать. Рамки эти не произвольны. Они определяются возможностью использовать эту интерпретацию как основу для коммуникации власти и народа, для обеспечения противоречи-

вого, неустойчивого единства общества, достигаемого подчас любыми средствами.

Псевдосинкретизм должен анализироваться в динамике. Вопреки распространенному убеждению, история советской системы динамична. Стержнем ее динамики является драматическая детективная история ожесточенной борьбы новой системы за свое выживание против постоянной смертельной угрозы внутреннего распада, против опасности осознания носителями разных ипостасей своей специфики, что может превратить их самовыражение в ожесточенный, смертельный для общества конфликт. Дальнейшая история страны — это ее постоянная борьба со смертью, подчас маскировавшаяся оптимистическими криками энтузиастов, заглушавшими стоны миллионов погибающих. Им казалось, что до царства Божьего на земле осталось пять минут. Эта история включает одновременно развертывание возможностей псевдосинкретизма, выявление правящей элитой его потенциала с целью предотвращения катастрофы.

НОВОЕ И СТАРОЕ В НОВОМ ИДЕАЛЕ

Новый идеал был тождествен нравственному идеалу, положенному в основу первой государственности, и одновременно принципиально отличен от него. Тождество заключалось в том, что оба они апеллировали к синкретическому менталитету, к его логике, к абсолютно очевидному идеалу справедливой нравственной жизни, основанной на уравнительности, на эмоциональных отношениях, на партиципации к некоторой Правде. Тем не менее различия носили не менее фундаментальный характер. В советском государстве глубочайший зрелый раскол еще больше усилился. В обществе получили широкое распространение определенные усеченные, искаленные элементы либерализма, прежде всего вера в возможность использовать науку и технику в качестве средств. Стал повседневным примитивный утилитаризм. Именно эти социокультурные феномены позволили возникнуть идеалу, который интерпретировал нравственную ситуацию, создавая имитацию синкретизма, возводя на уровень важнейшей задачи стремление убедить каждую личность, что сложившаяся ситуация и есть реальный синкретизм, т. е. древняя Правда и одновременно результат науки. Это действительно было Правдой в том смысле, что в массовых ценностях преобладал синкретизм. Это было голосом науки, так как она утвердила веру в победу высшего, лучшего, справедливого в результате мирового развития. Но одновременно в псевдосинкретизме не было древней

Правды в том смысле, что за этим псевдо- скрывалась попытка модернизации. Это не было разрушительной для древней Правды истиной, так как слабая, терроризированная общественная наука не могла удержаться от того, чтобы в той или иной степени не отойти от принципа следования логике предмета, не отступить от следования предметной модальности. В результате она стала рупором народных утопий, лишь поданных в рационализированной онаученной форме.

Новое общество, сформировавшее четвертую в истории страны государственность, следовательно, основывалось на новом важном элементе. Новая власть в отличие от старой, уповавшей до последней минуты на то, что «все в руках Божьих», осознала чрезвычайно драматическую остроту проблемы интеграции в условиях раскола, превратила в свою функцию саму культуру, сами нравственные идеалы, создавая их государственную интерпретацию и пытаясь на этой основе строить свою политику воспроизводства большого общества. В этом стремлении на пределе человеческих сил к государственному строительству, в наведении порядка ценой, не имеющей меры, заключалась причина победы новой власти во вспыхнувшей гражданской войне. Белые (быть может, за исключением Врангеля) практически мало выходили за пределы решения чисто военных задач, создавая не новое государство, а режим военной комендатуры. Государственное строительство Врангеля, который пытался проводить реформу на манер столыпинской, столкнулось с теми же проблемами, что и Столыпин, усугубленными к тому же войной и разрухой.

Сложность задачи новой советской власти заключалась в том, что внутреннее разнообразие, превратившееся в раскол, сделало различные системы ценностей почти несовместимыми. Вся суть была в том, чтобы превратить это «почти» в основу целостного воспроизводства. Это требовало такой организации общества, которая бы превращала социокультурное разнообразие в движущую силу единообразия, требовало интерпретации факта разнообразия как временного, изживаемого состояния на пути к высшей Правде, интерпретации каждой из форм разнообразия как некоторого этапа на этом пути. Природа соответствующих решений заключалась в максимальном, напряженном стремлении бросить все ресурсы, всю социальную энергию общества на предотвращение усиления раскола, дезорганизации, на воспроизводство целого, возможно, жертвуя частями, изыскивая ресурсы путями и методами, неизвестными классическому синкретизму.